

Чжу Линсы очнулся на драконьем ложе во Дворце Цяньцин. Увидев зажжённые лампы, он понял, что уже наступила ночь.

Он знал, что, скорее всего, перегрелся на солнце.

Как только Чжу Линсы пошевелился, Се Цзин сразу это заметил и поспешил вызвать придворного лекаря. Тот осмотрел его и сказал, что, хотя у пациента всё ещё немного повышена температура, опасности для жизни нет, но ему нужно несколько дней провести в постели. Лу Шэн поспешил дать Чжу Линсы несколько глотков воды.

Тот пил так жадно, что немного поперхнулся. Се Цзин сел на край кровати, поддерживая его за плечи, легонько похлопал по спине, затем взял у Лу Шэна полотенце и вытер ему рот.

Когда Чжу Линсы поднял голову, его лоб коснулся подбородка Се Цзина.

Он нахмурился и потянулся рукой, чтобы потрогать его.

Се Цзин провёл всю ночь без сна, и на его подбородке уже пробилась лёгкая щетина.

Колючая.

Чжу Линсы надул губы.

— Се Цзин, — произнёс он.

Услышав это, Се Цзин мягко отпустил его, отодвинулся и сел у кровати в правильной позе.

— Я здесь.

— Я запрещаю тебе отращивать бороду.

Чжу Линсы был бледен, его веки слегка опухли, а тёмные глаза, пристально смотрящие на Се Цзина, выглядели особенно серьёзными.

Что это за указ такой?

Се Цзин, хотя и был озадачен, всё же рефлекторно ответил:

— Да, я повинуюсь.

Чжу Линсы остался доволен, выпил ещё немного воды, попросил Лу Шэна помочь ему сменить промокшую от пота одежду и снова погрузился в глубокий сон.

Се Цзин, почувствовав облегчение, отправился в боковой зал, чтобы немного поспать. Лёжа, он слушал за окном шум дождя.

Самым занятым человеком в четвёртый год правления под девизом Лунцзя был не император Чжу Линсы, не главный советник Лю Дай и даже не Се Цзин, окружённый ореолом главного героя, а министр финансов Хэ Е.

С середины июня он сначала боролся с засухой, а затем с наводнениями, и его дни были полны забот.

Чжу Линсы, следуя примеру прежних императоров, столкнувшихся с природными бедствиями,

переехал из главного зала в боковой, сократил количество ламп с четырёх до двух, оставил только одну комнату с ледяной чашей для охлаждения и стал жить ещё более скромно. Он даже хотел сократить количество еды, но Се Цзин его остановил.

Каждый день из пострадавших районов поступали доклады, которые Чжу Линсы читал с тяжёлым сердцем. Пострадавших было слишком много, и хотя пока не было крупных беспорядков, каждый день люди голодали, болели и умирали.

Чжу Линсы особенно боялся увидеть в докладах фразы вроде «люди едят своих детей». Каждый раз, открывая доклад, он с тревогой ожидал худшего, но, возможно, Лю Дай и другие уже отфильтровали такие сообщения, так как он их пока не видел.

К сентябрю ситуация немного успокоилась. Хэ Е срочно перебросил новый урожай с юга на север, что вызвало большое недовольство в южных провинциях. На него подали множество докладов с обвинениями, и Лю Дай воспользовался возможностью, чтобы попытаться сместить его с поста министра финансов. Сюй Чэн изо всех сил старался его защитить, и в итоге Хэ Е был оштрафован на три года жалованья.

В конце сентября в столице внезапно поползли слухи, что настоящей причиной засухи и наводнений этого года было то, что нынешний император захватил трон, который по праву принадлежал князю Ци, и Небеса разгневались, обрушив бедствия на Позднюю Мин.

... Уже четвёртый год правления Лунцзя, а реакция только сейчас?

Чжу Линсы внутренне насмеялся над этим, не придавая слухам особого значения, но чиновники при дворе были возмущены, требуя найти и наказать тех, кто распространяет такие речи.

Стража в парчовых халатах провела обыски в течение десяти дней, арестовав несколько десятков хулиганов и множество пожилых женщин. Когда их спросили, кто научил их этим словам, они ответили:

— Все так говорят, и я просто повторяю.

Чжу Линсы сказал, чтобы их отпустили.

Но чиновники не успокоились. Когда Чжу Линсы только появился в этом мире, он вместе с Се Цзином провёл множество реформ, и легитимность его трона была чёткой и неоспоримой. Прошло всего четыре года, и те, кто был свидетелем тех событий, всё ещё живы. Говорить такие вещи с открытыми глазами — значит недооценивать двор.

Учёные мужи всегда стремились «изучить военное и гражданское искусство, чтобы служить императору». Если сказать им, что они изо всех сил стараются служить обманщику, это будет для них невыносимо.

Кроме того, хотя император был молод, он был довольно популярен при дворе. Будь то главный советник Лю Дай или чиновники шестого и седьмого ранга, которые не имели права участвовать в заседаниях, император всегда внимательно слушал их, и если он считал чьё-то мнение разумным, то принимал его, независимо от ранга.

Уважение и признание императора к чиновникам, в широком смысле, называлось «милостью признания». Учёные мужи ценили это, и независимо от способностей Чжу Линсы, он делал это хорошо.

Поэтому они с энтузиазмом взялись за это дело.

Чжу Линсы был бессилён что-то изменить, но относился к этому философски. В конце концов, император Юнчжэн тоже всю жизнь носил ярлык «узурпатора». Когда человек становится известным, сплетни сами находят его.

Через несколько дней направление сменилось, и доклады цензоров превратились в вопрос: «Почему князь Ци до сих пор не отправился в своё владение?»

Цензоры говорили, что князю Ци уже двадцать три года, и согласно правилам, установленным основателем династии, князья, имеющие свои владения, должны покинуть столицу к двадцати годам. Теперь князь Ци задерживается в столице, что нарушает традиции и показывает неуважение к императору. Ему следует как можно скорее отправиться в своё владение, не затягивая.

Обычно, когда цензоры сосредотачиваются на одном и том же вопросе, за этим стоит кто-то, кто их подстрекает. На этот раз это был не кто иной, как главный советник Лю Дай.

Лю Дай в прошлый раз настоял на том, чтобы Чжу Линсы отправился на жертвоприношение в Храм Неба, и молодой император упал в обморок на месте. Это заставило Лю Дая почувствовать некоторую тревогу, так как он боялся прослыть «жестоким к молодому правителю». В настоящее время всё шло хорошо при дворе, но, к сожалению, он не был министром-регентом, и в отношениях с императором ему не хватало теплоты.

Поэтому он всегда искал способы улучшить эти отношения.

Он думал, что, если кто-то постоянно использует князя Ци как повод для нападков, император, должно быть, ненавидит князя Ци. Если он сможет изгнать князя Ци, то станет единственным, кому император будет доверять.

Поэтому он дал своим доверенным ученикам несколько намёков, и доклады посыпались как снег.

К удивлению всех, Чжу Линсы сказал:

— Князь Ци долгое время жил в столице, и мы с ним очень близки как братья. Мне трудно расстаться с ним, поэтому, уважаемые министры, давайте больше не поднимать этот вопрос.

На следующий день доклады обрушились лавиной. Они делились на две части: одна продолжала обвинять князя Ци за то, что он не отправился в своё владение, а другая критиковала Чжу Линсы за нерешительность, говоря, что он думает только о брате, а не о предках.

Эти слова были очень резкими, и Чжу Линсы был ошеломлён.

Лю Дай был полон решимости изгнать князя Ци. Князь Ци, кроме Се Цзина, ни с кем не был близок. Он не общался с гражданскими чиновниками, не был знаком с военными, не поддерживал отношений с родственниками императрицы и не обращал внимания на евнухов. Во всём дворе почти никто не говорил за него.

Поэтому, хотя князь Ци был сыном предыдущего императора и старшим братом нынешнего, у него не было влияния, и оскорбить его было практически бесплатно.

Изгнать его в его владение означало поддержать традиции, что наполняло священным чувством и гордостью, в которую чиновники любили погружаться.

Такое дело, которое не требовало затрат, но приносило много пользы, кто бы не хотел его сделать, особенно при поддержке Лю Дая.

Поэтому цензоры с энтузиазмом взялись за это дело, каждый день выстраиваясь в очередь, чтобы кричать на Чжу Линсы, как будто это было более эффективно, чем борьба с засухой, наводнениями и саранчой.

Чжу Линсы чувствовал, что он не выдерживает, но всё же не хотел сдаваться.

Он не хотел доставлять неудобства Се Цзину.

Князь Ци, однако, был спокоен и безмятежен, как будто все эти раздоры его не касались.

Когда Се Цзин пришёл к нему, князь Ци держал в руке дротик и, увидев Се Цзина, улыбнулся.

— Ты и мой брат уже договорились?

В этот день Лю Дай после заседания специально отправился в Павильон Вэньхуа, чтобы поговорить с Чжу Линсы. Се Цзин тактично удалился, и Лю Дай, убедившись, что он ушёл, снова заговорил о том, чтобы князь Ци отправился в своё владение.

Чжу Линсы, как будто заученно, сказал:

— Я и князь Ци очень близки как братья. Когда я думаю о том, что он покинет Пекин, мне становится так грустно, что я не могу спать. Учитель, пожалуйста, больше не говорите об этом.

Лю Дай подумал: «Верю я тебе, как же. Вы с братом друг друга не видите, а тут мне ещё и притворяетесь». Он сдержал себя и продолжил уговаривать.

Чжу Линсы выглядел немного обеспокоенным, надул губы и сказал:

— Но предыдущий император тоже не заставлял князя Ци покинуть столицу. Как я могу игнорировать волю предыдущего императора?

— Когда предыдущий император умер, князю Ци ещё не было двадцати, — Лю Дай кратко изложил, что важнее: воля основателя династии или мнение предыдущего императора, но Чжу Линсы всё равно покачал головой.

— Ваше Величество, но Се Цзин...

Чжу Линсы энергично замотал головой, но в его глазах появилась обида.

— Тсс, учитель, говорите тише. Се Цзин услышит и рассердится.

Лю Дай подумал: «Так и есть».

— Император, как подданный, Се Цзюшэн осмеливается вести себя так дерзко. Я, старый слуга, не могу этого допустить...

Как только он закричал, Чжу Линсы встал на цыпочки, чтобы закрыть ему рот рукой.

— Учитель, пожалуйста, не говорите. Се Цзин услышит...

В его глазах блестели слёзы.

Теперь Лю Дай был полностью уверен.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16200/1454024>